

03.07.2017, 23:41 Санкт-Петербург

свой опыт

Как это было: рассказы задержанных на День России, часть 3

Публикуем еще два рассказа задержанных 12 июня 2017 года. На этот раз — оба из Санкт-Петербурга. Предыдущие можно почитать [здесь](#) и [здесь](#).

АЛЕКСАНДРА СТАРКОВА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: «ХЛЕБНАЯ КОШКА ЕСТ ГОЛУБЕЙ»

12.06. 14:22. Зашла в автобус после долгих препирательств. Желала услышать фамилии людей, меня укравших с этого праздника жизни. В ответ прилетела угроза: «Девушка, вы что хотите, чтобы мы вас скрутили?». Посмотрели мой рюкзачок. Там был пирог еще теплый. Предложила открыть, дать понюхать. Люди в черном

отказались. Девушка-волонтер раздавала пакет бумаг с полезной информацией по поводу задержания.

Пока ждала полной загрузки нашего автобуса, высунулась в окно. Другая добрая душа — темноволосая барышня — подала мне мисочку фиолетовую, в которой были льняные семечки. Предложила угоститься, я отказать не смогла. Подбежал мальчик в форме полицейского, закрыл окно и спросил, что это такое. Я пояснила. Он недружелюбно взглянул на меня, я продолжила есть семечки. Подумала, какой же он дурачок. Небось, березу от сосны не отличит. Ну и вопросы!

Едем. Куда едем? С галерки слышится: «Передаем за проезд!» Смотрим по картам в смартфоне, куда мчимся. На север. Вот уже скоро Мурино. Вздыхаю, думаю, хорошо, до дома недалеко.

Едем долго. Начинаю раздавать пирог. В пироге яйца и кефир. Обнаруживаю двоих вегетарианцев. Протягиваю им яблоки. Один соглашается, второй отказывается. Ем яблоко за него.

Стоим около 15 ОП. Стоим. Стоим еще. Начинают выводить первых людей. Пока была сумятица, один человек сумел сбежать, не доходя до отдела. Всячески ему респектуем. Собрали всех несовершеннолетних в количестве 10 штук. Увели. Приехал Вишневский (Борис Вишневский, депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга — *ОВД-Инфо*). Когда меня заводили в ОП вместе с Машей Лакертиан, он стоял у двери. Поздоровалась.

— Ну, давай по 51 (статье Конституции, дающей возможность не свидетельствовать против себя — *ОВД-Инфо*), чтобы мне поменьше писать? — спрашивает мужчина в форме полицейского с вполне приятными чертами лица.

— Да, давайте.

— Бинго! — Вскрикивает мужчина, трясет моим паспортом и добавляет, — Первая петербурженка, Невский район.

— Чо, все приезжие?

— Ага.

— Понятно.

Перемещаемся в комнату за серой металлической дверью. Барышня в штатском с голосом продавщицы рыбного отдела:

— Имя, Фамилия?

— Старкова Александра. Стар-ко-ва А-лек-са-ндра.

— Номер телефона?

Диктую. Интересно, понравилась ли я им, позвонят ли мне? Жду уже 11 день. Думаю, что даже с днем рождения не поздравят.

— Телефон с собой?

— Конечно.

— На стол.

— Почему?

Из-за стойки толстый мужчина:

— Девушка, ваш телефон никому не нужен.

А зачем же тогда его забирать, интересно? Ну да ладно.

— Встаем около двери по очереди — диктует мужчина в синем пиджачке и джинсах с аккуратной стрижкой и с айфоном в руках.

— Фотографировать вы не имеете права без моего согласия, — выпаливает Мария.

Закрываем лица руками. Этот прохвост фотографирует все равно и без ростомера.

Подходит второй лощеный мужчина в голубой рубашке:

— Как ты докатилась до жизни такой?

— Это беседа под протокол? Если нет, то говорить мне с вами не хочется.

— Да какой протокол? — ухмыляется он.

— Здесь никто с вами общаться не собирается, — добавляет Маша.

— Да с тобой ясно все. Я с ней говорю — кивает головой на меня.

— Ну, хорошо, общайтесь со мной. Только я ещё раз сообщаю, что ни слова не скажу.

Пришли в конференц-зал. Досмотр сумок. Открываю свой рюкзак. Там море всего. Я не готова была. Была бы готова — наложила бы туда тонну прокладок. Забавно было бы на их лица посмотреть. Мужчина темноволосый, 24–27 лет сообщает, что я выиграла конкурс на самую интересную сумку. На ее наполнение, если точнее.

Пытаюсь убить время. Самое страшное и мучительное — незнание того, что будет. Когда мы отсюда поедем хоть куда-нибудь? Хоть в суд. Когда? Необходимо понять. Но никто ничего не знает. Даже Господь Бог не властен над решениями «сверху».

Прошусь в туалет. До меня, оказывается, очередь. Еще 3 человека. Наконец-то дождалась. Вышла.

— Стой тут.

— Хорошо.

Разговорились с парнем, который рассказал, что когда у него брали объяснительную, то написали все верно, кроме отсебятины, мол, он на митинг Навального пришел. Хотя такого не было. Я сказала, что подписывать это не стоило. Парень ответил, что он сторговался, и слова «Навальный» и «митинг» были убраны. Мужчина в полицейской форме:

— А ты из «Весны»?

Хочу отметить особенность всех товарищей из 15 ОП. Общаются со всеми так, будто водку с нами пили. Видимо, вся культура осталась за порогом этого чудного заведения.

— Нет, не из «Весны».

— Сколько лет? Первый раз задерживаешься?

— 20. Впервые.

— А что такое «Весна»?

— Я не знаю, спросите у «Весны».

— А если я найду, что ты связана с «Весной»?

— Ну, поищите, попробуйте.

Прошло не знаю сколько времени. Приехали из ОНК. Зафиксировали нарушения. В том числе то, что Тимофея Городилова раздели полностью в поисках телефона. Спасибо, что не при всех, а в отдельном кабинете. А у Марии смартфон вырвали из рук, то есть отобрали силой.

Спустя полчаса молодой человек в форме полицейского принес пакет с четырьмя бутылками воды и скопом стаканчиков. Все накинулись, как звери на ручей среди пустыни.

Вот уже вечер. Общаемся с ребятами, думаем о том, как хреново, если отпустят позже 00:00, потому что до дома придется брать такси. Смеемся со всего. Ответная реакция на стресс, иначе можно сойти с ума. Столы стоят так, что нам приходит идея разыграть тайную вечерю. Тем более, что глас Божий среди нас — отец Александр (священник Ассоциации христианских евхаристических общин, открытый гей, постоянно участвует в различных протестах и несколько раз был **задержан** — *ОВД-Инфо*).

Ночь. Никаких спальных мест. Лежим на полу, стульях, столах, под столами. Полностью не дают выключить свет. Отключалась три раза в сумме часа на полтора-два. Нашла бобину скотча «Надоел». Отдала в надежные руки. На стене появилась желтая утка. Столы также все в этом скотче. Веселимся как можем.

Утро. На стол вываливается «Доширак». Многие отказываются, так как это еда от ментов. Те, кто взяли еду, сильно пожалели, потому что фэ. Лично у меня впечатление, что кинули, как свиньям. Также отказываюсь. Объявляем с гражданином Казахстана сухую голодовку в знак протеста против нашего незаконного задержания. До сих пор не видели ни одного подтверждения, что мы задержаны, а не находимся в заложниках. Никто не показывает удостоверение сотрудника полиции, фамилий не называет, протоколы не составлены, а пошли уже вторые сутки.

13.06. Ужасно плохо. Не спала. Без еды и воды еще можно прожить, а вот сон — самое ценное благо, которое у меня отобрали насильственным путем. Прошу вызвать скорую. Еле передвигаюсь. Доползла в комнату для допросов, где меня оставили ожидать медиков. Приехали. Женщина и парень. Но, извиняюсь, это не женщина. Это самая настоящая тетка. Стала мне предъявлять, что я трачу ее рабочее время, в ужасно грубой форме. На ее крики прибежал мужчина в форме сотрудника полиции. Я стала

объяснять, что мне плохо, так как не сплю уже вторые сутки. Рассказала про условия: пол и столы со стульями.

— Вы, девушка, просто не работали никогда. И не знаете, что такое настоящая усталость, когда заснешь даже стоя.

— А мне и не надо знать, я спать могла бы дома сейчас и вас не дергать.

Мужчина в костюме полицейского:

— Девушка, я не сплю уже 36 часов.

— И?

— Да ей все равно, что мы не спали. Ей на нас наплевать!

— обращается дама к нему.

— Вам деньги за это платят. А я здесь не знаю как и зачем. Где хотя бы протоколы?

— Какие протоколы? Мы вас можем вообще 48 часов держать.

Тут я размякаю на стуле, хочется умереть прямо тут, чтобы им вломили люлей за труп. Слушаю оры. Отказываюсь от госпитализации.

Скорая выходит. Молодой человек нежно смотрит на меня и прощается. Видимо, в этом тандеме вся чуткость в нем, а борзость и хамоватость — в этой женщине. Злой медик, добрый медик. Поднимаюсь обратно в конференц-зал.

Ура. Нас везут в суд. Спустились вниз.

— Подписывайте протоколы, мы вам возвращаем телефон. Тут и тут, — симпатичная девушка-блондиночка тыкает пальцем.

— Я сначала прочту.

— Читайте, — крикнула барышня с видом тигрицы, хватающей добычу.

— Я подписываюсь под тем, что вы мне выдали копию протокола. Копии я тут не вижу.

— Ну, вы подпишите, мы потом откопируем и вам отдадим.

— Нет, сначала сделайте. Я потом оба протокола подпишу.

Телефон отдали, пока копировали. Принесли копию:

— Подпишите.

— Нет.

Я не подписываю документы, когда не могу понять, что там. А когда не спал сутки, не понимаешь вообще ничего.

Посадили в автобус. Едем в суд. Нас сопровождают мигалки. Два раза чуть не задавили людей на зебре. Мы, видимо, очень важные ребята.

Калининский районный суд. Приехали в Бобруйск.

— Ста-ри-ков. СТА-РИ-КОВ. Это кто?

Смотрю на товарища закадычного.

— Девушка, какая у вас фамилия?

— Не говори ему, молчи — шикает Петр Трофимов.

Молчу. Мужчина открывает папку с моим делом, заглядывает в паспорт.

— Пройдемте в 402 зал.

Суд идет. Ходатайствую о правозащитнике и об ознакомлении с делом. В первом отказывают, во втором — передают папочку. Читаю. В постановлении позже напишут, что ходатайств, кроме об ознакомлении с делом, не было заявлено.

Нахожу два рапорта о пресечении правонарушения со стороны гражданки Стариковой А. С. Сообщаю суду, что такой человек мне неизвестен. Суд признает это

технической ошибкой. В полусне распаляюсь, еле держась на ногах, о том, как красив город. И я вообще по натуре художник. Меня манит в те края, где много людей, обожаю общение. Спрашиваю судью, спала ли она когда-либо на полу. Заявляю о пытках. Она говорит: «Это вы потом расскажете, не мне, давайте сейчас по делу». А что по делу-то надо ей? Понять не могу.

— Суд удаляется для вынесения постановления, есть у вас еще что-то по существу?

— Когда вы будете смотреть это видео, там картинка маленькая такая будет. Но пусть она оставит тепло в вашем сердечке.

(В материалах дела, доказывающего мою виновность, наличествует диск с видеозаписью с коптера).

Суд пришел. Я поспала. Сквозь сон слышала разговор помощниц о том, что судья очень торопится домой. У нее там дочка маленькая.

Пришел суд и тихо, скороговоркой огласил постановление. Пять суток.

Вторая статья.

Суд:

— Ходатайства есть?

Тут я, право, отключилась на минуты две и пришла в себя только после громкого кашля мадам-полицейской.

— Нет, ходатайств нет.

— Может быть, хотите с материалами дела ознакомиться?

— А, нет, спасибо.

— У вас все хорошо? Может, вам воды?

— Нет, спасибо. Мне бы поспать.

— Объяснения будете давать?

— Ну, давайте я по 51 пойду, чтобы вам писать поменьше.

Суд ушел. Суд пришел. Позвал помощницу, плохо пропечаталось постановление. Бешеный принтер сломался. Напечатали. Десять тысяч рублей.

Едем в душегубке втроем. Я на коленочках у Михаила, напротив отец Александр. Куда едем? Среди ночи сдавать отпечатки. Я вроде визу не собиралась получать.

Похихикали с мужчиной, который у меня их собирал, мол, конкурсы у вас интересные. Спросила, нормально ли, что я так слабо левую руку отпечатала. Он махнул рукой, проводил к раковине.

Раковина полна воды. На унитазах вижу бумажную плоскую дощечку. Вычерпываю часть воды и сливаю в унитаз, чтобы вся эта грязь не потекла на мою обувь и платье. Прямо реально конкурсы. Когда будем карандаш в бутылку опускать?

Снова едем в душегубке. На этот раз вдвоем с мужчиной из 14 (вроде бы) ОП. Рассказывает, как их кормили макаронами с сосиской и салатом. Потом заговорили про археологию. Он увлекается поиском всяких монеток и прочей мелочи. Разговор, честно говоря, помню смутно, так как ужасно рубило. Но мешало уснуть то, что нас периодически подбрасывало на ухабах и лежащих полицейских. Да так, что мозг ударялся о череп.

Приехали в родненький Калининский спецприемник. Ооо. Ему я могу посвятить оды.

Но сначала мы (человек десять) около часа проторчали на маленьком промозгом дожде. Я в одном платье. Температура — градусов десять. Приходилось садиться на корточки, чтобы греть попой остальную часть ног.

Уже 14.06.

Зашли. Посетила туалет. Бумаги туалетной не оказалось. Полицейский извинился. Нас по очереди сфотографировали. Улыбалась, как только могла. Меня и девочку-блондинку, которой дали 10 суток, повели в камеры, мальчиков оставили в условной прихожей.

Разговорились с лысым высоким полицейским:

— Ничего, что я с вами на ты? Просто привычнее так. Если вам некомфортно, могу на вы.

— Да нет, давайте на ты. От вас это приятно слышать, а вот в 15 ОП, когда попросила общаться со мной корректнее, ответили, что не доросла еще.

— Как так? В любом возрасте же личность! Так что, рассказывайте, как попали-то?

— Ножками пришли.

Девушка-блондинка выглядела явно растерянно, а я собрала все свои бессильные силы в кулак и улыбалась.

— У нас тут две девочки, знакомься. Эта случайно попала, а эта сама пришла, — крикнул он полицейскому на третьем этаже.

Поднялись на третий этаж.

— Фамилия как ваша?

— Старкова.

— А инициалы?

— Как у Пушкина.

Товарищ задумался, я сразу его огородила от ошибок:

— А-ЭС.

— 145, проходи.

Дали одеяло, матрац, постельное, щетку, мыло и пасту. Даже прокладки, если надо. Вот это сервис. В целом, ощущения, что едешь в поезде. Только отобрали вещи, кроме одежды и обуви. А, постановления еще оставили.

Номер мой был двухместный, но заселили меня одну. Застелила нары. Уснула срочно. Проснулась от стука. Завтрак. Каша и целиком батон. Положила на сидение. Легла дальше спать. Проснулась. Чай. Из жидкостей только он, в котором сахара больше половины стакана. 200 мл на один прием пищи. Постучала в кормушку. Сообщила, что ненормально в день потреблять 600 мл жидкости. Еще и дико сладкой.

Полицейский принес литровую бутылку воды и сказал, улыбаясь:

— Подарок тебе от ОНК.

— Спасибо. А дайте еще бумаги лист.

— Что будешь делать? Стихи писать?

— Да, может, порисую. А в библиотеку пустите?

— Пустим, но ты ж пойми, вас так много. И все в библиотеку.

— Понятно.

Обувь моя издавала неприятные феромоны. Решила ее помыть. А пол весь в побелке. Камеры после ремонта. На столе были желтые журналы. Про Поклонскую и «Матильду» статья неплохая. Но мне пришлось листы порвать и сделать себе дорожку от двери, мимо кровати и до туалета, чтобы ходить в носках.

Приехали из ОНК. Спрашивали, как дела. Я смогла воспользоваться этим положением и выскочить в библиотеку. Она этажом ниже. По рассказам, раньше она была большая. Но потом к ним завезли товарищей

из ближнего зарубежья, которые принесли клопов. И пришлось сжечь большую часть книг. Нашла Ключевского. Взяла его. Понравилась статья «О взгляде художников на обстановку и убор изображаемого им лица».

Обед. Первое, второе. И буханка хлеба.

Обход. Тот лысый мужчина, что и вчера:

— О, это Саша-человек — сказал он своему товарищу, который вчера вспомнил инициалы Пушкина, — платья шьёт. А что черевички стоят?

— А они воняли, я их постирала.

— Ну ты же человек искусства. Не воняли, а пахли.

— Ну, можно и так. А тряпку дадите, а то у меня тут полоса препятствий!

— Дадим, дадим.

Тряпку мне дали только через день. Как и бумагу.

Ужин. Целый батон и в контейнере куча всего. Ставлю на стул ко всей еде.

Стучу в кормушку. Надо позвонить друзьям. Как и всем. Позже высчитываю, сколько времени понадобится, чтобы все могли поговорить положенные 15 минут, используя один телефон, исходя из той информации, которую мне сообщил лысый мужчина. Что нас привезли 182 человека. Вышло 2730 минут. 1,8958(3) суток.

Засыпаю.

Просыпаюсь от шороха. Что-то поставили около моей комнаты. Два пакета. 15.06. Ночь.

— Подпиши тут «получила полностью». И подпись тут. Здесь также, — мужчина подает второй лист, — «получила

полностью» и подпись, ага. Может тебе свет полный включить?

— Да, нет, спасибо, я вижу все.

— Ну, хорошо. Так, все. Молодец, дочь моя.

Дверь закрывается. Два пакета. Вещи. Просила штаны привезти. Чьи это штаны, Господи? А это что? ЕЩЕ БАТОН. АААА. Зубные щетки, шампуни. Что? Зачем? Ладно, спасибо. Книжка. «Триумфальная арка». Интересно. Каждое слово отсылало меня обратно в тот дождливый вечер. Я прокрутила все слова судьи. Все свои слова.

Заснула. Проснулась. Все еще 15.06. Завтрак. Батон, святая корова. У меня их уже 4 штуки. Из хлебного мякиша делаю кошек, выставляю на кормушку. Хоть как-то разбавляю свой досуг.

Обед. Половина буханки хлеба. Вот мы и встретились.

Скрипит ключ. Входит девушка с короткой стрижкой. Это ко мне. Она жила с Машей Лакертиан, Машу выпустили (3 суток), а у их соседей засорился туалет. Так что их соседей в тот номер, а Настю ко мне.

Ну наконец-то я смогу с кем-то поговорить! Настя из Самары. Учится тут в тряпке (Санкт-Петербургский университет технологии и дизайна — *ОВД-Инфо*). Очень красиво рисует. У нее есть сестра-близнец.

Делаю из бумаги треугольный тейбл-тент. Пишу на нем интересный факт:

ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВСЕ ЗАКЛЮЧЁННЫЕ (182) ВОСПОЛЬЗОВАЛИСЬ ТЕЛЕФОНАМИ, СОБЛЮДАЯ НОРМАТИВЫ (15 минут), НУЖНО ПОТРАТИТЬ 1,8958 СУТОК. И выставляю его на кормушку вместе с хлебными кошками.

Уже скоро будет ночь. Кричу, высовываясь из кормушки, мол, когда телефон дадут, уже время позднее. Ответили, что белые ночи вообще-то. Резонно.

Принес телефон молодой человек. Прочитал мой факт дня. Поправил, что у них не один телефон, а три. Переделывать не стала. Я сторонник сферического коня в вакууме.

После ужина гуляли заключенные, разносящие еду, предлагали еще чайку. Один из мужчин, например, ехал на машине без прав. Так тут и оказался. Как пошутила барышня с кудрявыми короткими волосами и в сандаликах, мы тут по тем же причинам. Были без прав, вот нас и задержали.

Этот бесправный мужчина помог нам обменять четыре бисквитных пирожных и две пачки юбилейного на бутылку швепса. А потом он же дал пять конфет, пачку чая и стаканов немножко. Рассказал, что вот-вот уходит, поэтому ему это не нужно.

16.06. Этот день прошел как и все дни. Придумывали смешные картинки. Одна из них — пирамида Маслоу, у которой в основе находятся батоны, а чуть выше влажные салфетки, которых нам просто тонны навезли. Мы, кстати, ими пол помыли, так как тряпку нам так и не дали. Она будет позже, когда швепс выльется на пол, и я, потеряв терпение, начну долбить с этой просьбой в дверь три минуты. Тут такая форма челобитных.

Пишу бумажку «НЕ НАДО ХЛЕБА!!! и булок тоже». Кладу на кормушку. В обед снова половина буханки хлеба. Наши мольбы не были услышаны. И даже в письменном виде.

Полицейский проходит мимо нашей кормушки, видит на нем кота, забирает и уносит, оставляя слово «Не положено». Составляю объявление о пропаже кота. Описываю: 5–6 см, кот из хлеба, верните за вознаграждение — творожную булочку. Для того, чтобы

обратили внимание, забиваю всю кормушку батонами, которые нам давали тут и передавали в передачках. Приходит полицейский и прокурор. Рассказываем, что чувствуем себя хорошо. Больше ничего от нас им и не нужно.

— А кошку не вернем.

— Почему? Куда вы ее дели?

— Она на улице ест голубей (!).

— Что? — тут я начинаю заливаться смехом как и двое мужчин, пришедших нас проведать.

— Ну, вы ее хлебом закармили, надоело, пошла искать мясо. А батоны вы отдайте тем, кто будет ужин разносить.

В общем, легкое сумасшествие — нормальное состояние организма. Хлебная кошка ест голубей, ага.

На ужин батоны не забирают, естественно.

Построили из них какую-то странную вещицу. Похожа на Исаакий. Рисую табличку «ИСААКИЙ — ГОРОДУ», ставлю на постройку. Теперь у нас посреди комнаты пикетирует хлеб. Смеемся со всяких дурных идей, подобной этой.

17.06. Утром солнце красиво падает на пол и стену. Умываюсь. Лучи обнимают за плечи. Это последний день. Настя поздно легла, чтобы проснуться под выход, я думаю. У нее тоже пять суток. Ничего не происходит. Просто жду. Выхожу. Цветы, солнце. Жарко.

**ВЛАДИМИР ФЕДОРОВ, САНКТ-
ПЕТЕРБУРГ: «В МОЕМ НАБОРЕ ВОДА
БЫЛА ПРОСРОЧЕНА»**

12 июня в 15 часов я вышел с остановки «Летний Сад» и прошел в центр Марсового поля. Видя большое скопление людей в несколько тысяч человек, я не получал предупреждений разойтись ни по громкоговорителю, ни лично, о чем свидетельствует 18-минутная видеозапись в моем [видеоблоге](#) «Вова Casper» на ютубе. На памятники я тоже не вставал и лозунгов никаких не выкрикивал. В центре Марсового поля я развернул плакат, формата А2, с черной надписью «Хватит врать и воровать» на белом фоне, поднял вверх над головой, вытянув как можно выше руки и молча держал.

Через три минуты на меня неожиданно сзади напали неизвестные в бронежилетах, касках и, с применением грубой физической силы, заломали руки за спину и без каких бы то ни было объяснений, не представившись, повели меня из центра Марсового поля. На мои просьбы представиться и объяснить, за что меня задерживают, объяснений не дали. Их нагрудные знаки полицейских были закрыты, ФИО и должности не сообщили, установить личности не удается.

У дома номер три на Марсовом поле, на песочной дорожке стоял пассажирский городской автобус, на лобовом стекле которого указан маршрут «Марсово поле» — «Удельный парк» с другими задержанными. В нем уже другие молчаливые полицейские повезли всех 44-х задержанных, включая меня, вдоль Невы. Интернет на телефоне улучшился, нажал «Красную кнопку» в приложении и позвонил в ОВД-Инфо. Рассказал им о случившемся, опрашивал и диктовал ФИО «пассажиров».

Я вел ютуб-трансляцию пока везли. Автобус приехал к 70 отделу полиции, половину задержанных, включая меня, завели. В 15:49 в холле ОП сотрудник полиции Колесов Владимир Николаевич (нагрудный знак 010937) сказал, что сотрудники, которые нас из автобуса привезли, берут по одному человеку, составляют документ, по которому

сюда привезли, передают его сотрудникам ОП 70, те с нами работают-отпускают, и что, думает, в течение трех часов закончат. Но это было совершенно не так.

Нас было 23 человека. Двое несовершеннолетних, плюс одного еще увели, еще одного нерезидента депортировали — осталось 19. Мой паспорт взял сотрудник Кутуков В.В. для заполнения документов по задержанию, передал кому-то в другие помещения и не возвращал на протяжении пяти часов. А на мой вопрос почему, указал на последнюю страницу (после 19-ой паспорта) где абзац с пункт 22 «Запрещается изъятие у гражданина паспорта, кроме случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации», считая, что данный случай предусмотрен законодательством. Я написал заявление на возврат моего паспорта и передал полицейским.

Спустя три часа я не подписал протокол: говорят, что по истечении трех часов они недействительны. Глубокой ночью в 2:10 меня повели в кабинет на подписание протокола, я очередной раз потребовал свой паспорт, и сотрудник Кондратенко Герман Сергеевич сходил куда-то вернуть мне мой личный документ. Составил протокол по ст. 20.2 (КоАП, нарушение порядка проведения митинга — ОВД-Инфо) Колесов В.Н. — это не тот сотрудник, что меня задерживал, по протоколу мне вменяется, что я скандировал лозунги «Путин вор», «Путин надоел», " Позор, беспредел», но я не скандировал вовсе. Так же что были предупреждения с помощью звукоусиливающей аппаратуры, которых я не слышал, тому есть видеоподтверждение.

В свидетелях были указаны Кутуков В.В. и Киричек В.Н. — это сотрудники полиции, что удерживали нас в ОП, заодно им сказали написать по нам рапорта и объяснительные, которые по всем задержанным были все как один. У меня есть свои свидетели произошедшего,

которые были в непосредственной близости и снимали на видео противозаконные действия в отношении меня, но это мало кого волновало. Ознакомиться с материалами, прилагающимися к протоколу, я просил, и на мой запрос работник инспекции по административному надзору Михаил (фамилию не назвал) отказал. Написав объяснения на двух листах, подписал протокол, указав на все нарушения в отношении меня.

Мой паспорт вернул мне Кондратенко Г.С., без паспорта я находился 7 часов, при этом работник инспекции по административному надзору Михаил говорил, что паспорт не вернут до суда, чтобы паспорта никуда не делись. Сотрудники полиции, находившиеся ночью, не были довольны тем, что работают ночью. Те, что заполняли рапорта и объяснительные, делали это в одном помещении с нами, к ним периодически спускались другие сотрудники и говорили, что и как писать на задержанных, одного из тех, что говорил, как писать, звали Тимур, это то, что я видел.

После оформления протокола по ст. 20.2 сотрудник Кондратенко Г.С. сообщил, что мне будут оформлять протокол и по 19.3 (КоАП, неповиновение полицейскому — ОВД-Инфо) и привел меня к Михаилу, о котором писал выше. Видимо, Михаил прочитал мое объяснение к предыдущему протоколу и был недоволен, он спросил: «Юрист, что ли, по образованию? Где учитесь?» Я сказал, что отучился. Он: «Не учитесь, работаете?» Говорю: «Работаю», — а он: «Хорошо, работайте... пока», — что звучало, как намек, будто он мне разрешает работать. А через некоторое время добавил: «Знаете, господин Федоров, я не знаю, кто вас надоумил на это, но явно не очень умный человек. Поумничать можно там, где более менее что-то соображаешь, где ты видишь — в принципе, шаг влево, шаг вправо особого вреда не принесет».

Окна выходили на улицу с видом на гаражи, стоял Т-образный стол, а на стене висели фотографии глав отделений МВД, сотрудники готовили материалы для суда по мне и всем задержанным в этом отделении. Рапорта, объяснительные, протоколы — все в двух экземплярах. Также приобщили DVD-диски с видеоматериалами полиции. Мой второй протокол по ст. 19.3 распечатывал Михаил, он, в целом, вместе с сотрудником Тимуром и руководил комплектацией документов по остальным задержанным. Ознакомившись со вторым протоколом, понял, что вменяются те же лживые факты, что и в предыдущем, при этом указано, что в 16:00 я находился уже в ОП № 70, о чем свидетельствует предыдущий протокол. Протоколы по времени друг другу противоречат и содержат помимо прочего такие ошибки лексические, как «скандировала», что не может быть применено к парню.

Считаю, что решение составить протокол по 19.3 КоАП было принято сотрудниками после понимания того, что в течение трех часов оформить нас они не успеют, и в качестве обоснования для задержания на большее время должен быть протокол, который даст право держать нас до 48 часов, а не потому, что с моей стороны было неповиновение сотруднику полиции, о чем и гласит статья 19.3.

Сопротивления при задержании я никакого не оказывал. Когда было необходимо подписать протокол со стороны сотрудника, Михаил отнес его и принес подписанный, при этом сотрудника Кондратенко Г.С. во время составления протокола 19.3 я не видел. А в момент заполнения объяснения к протоколу я просил дополнительный лист А4, чтобы описать полностью свою версию происходящего. Мне отказали предоставить чистый лист. Когда я вышел за рамки строк, отведенных для объяснения, Михаил и сидевший рядом полицейский ругали меня, что я испортил протокол.

Замечу, что в протоколе 20.2 указано время и место рассмотрения по первому требованию — Дзержинский суд, хотя заседание там не состоялось, а состоялось в Невском суде. Поэтому мое ходатайство об отложении суда для последующего рассмотрения дела с адвокатом Чаплыгиным А.А., пришлось переписывать.

Да, нам выдавали еду: был «Доширак», воздушные слайсы, паштет, вода 0.5. В моем наборе вода 0,5 была просрочена.

Была и другая вода, не просроченная, я выбрал более свежую.

Где-то в 15 часов 13 июня нас вывели в автобус. Мы находились в автобусе долго время, сначала он стоял полтора часа, затем проехал к Невскому районному суду на улице Ольги Берггольц. Опять сотрудник Михаил собрал паспорта и отнес непосредственно судье. Автобус стоял так, что жаркое июньское солнце освещало половину мест и они нагревались. Задержанные собрали куртки и связали их вместо занавесок, которых не было. К автобусу подходил активист Лев Дмитриев, спросил, хотим ли мы еды, затем ушел и вернулся с двумя пакетами, полными печенья, фруктов, нарезанного батона и колбасы, водой. Сотрудники полиции передали передачку.

Последующие передачи передавать отказывались. Постепенно к вечеру по одному человеку с автобуса начали водить к судье на суд. Подготовиться к суду толком нельзя было в таком режиме. Мой заряд на телефоне сел, в отделении полиции я не спал. Ну и как я могу собрать доказательства когда находился против своей воли в отделении полиции, как могу предоставить характеристику с работы, перебросить записи на DVD и подписать соглашение с адвокатом?

Все 19 задержанных из автобуса возвращались попрощаться и сообщали, что им дали штраф, кому

10000 500 рублей, кому 10000 1000 рублей. Что показательно. Другие суды, насколько всем известно, помимо таких штрафов давали аресты. У нас арест дали только одному задержанному, который отказался подписывать протокол. Мне также дали штраф 11000 рублей, ареста не было. Было ощущение: что ни говори, что ни приводи, решение predeterminedено судьей до суда.

На суде присутствовал я, судья и ее секретарь. Свидетелей не было. Я ходатайствовал о том, чтобы меня защищал адвокат и чтобы перенесли суд на срок не ранее 16 июня, в ходатайстве судья отказала, объяснив это тем, что было достаточно времени заключить соглашение с адвокатом. Так соглашение было заключено, устное. Я был в полиции и подписать что-либо мне не дали возможности. Судья разговаривал со мной с позиции обвинителя, а не как судья, желая пристыдить меня за то, что я выхожу на Марсово поле на несанкционированный митинг, при том что Конституция дает право собираться мирно, что я и делал. На все мои доводы о незаконных действиях полиции судья меня перебивала вопросами на другие темы. Мои слова судье о том, что у меня есть видео, подтверждающие незаконные действия полицейских, были проигнорированы.

«Требуем ответов»: Акции 12 июня 2017 года

12 июня 2017 года во многих городах России прошли акции против коррупции в правительстве «Требуем ответов».

Ещё почитать

03.03.2026 Санкт-Петербург

Суд признал ЛГБТК+ группу «Выход»
экстремистской организацией